

Всего три слова, хотя они и прозвучали с легким эхом, а последнее «ты» едва улавливалось.

Но губы Цзян Цаня были совсем рядом с его ухом.

Пэй Юймо слышал всё отчетливо, даже чувствовал вибрацию грудной клетки Цзян Цаня.

Это было настолько внезапно и неожиданно, что он даже забыл о своей привычной неприязни к прикосновениям. Он застыл, словно хрупкая полая статуэтка: стоило дотронуться — и вся напускная холодность рассыпалась бы в пыль.

Цзян Цань любит... его?

Любит?

За что?

Черный туман, застилающий взор, по-прежнему был тяжелым и мрачным, готовым поглотить его целиком, но вокруг больше не было ледяной пустоты. Пэй Юймо прикрыл глаза и в растерянности сжал запястье, лежавшее у него на талии.

Зачем Цзян Цань это сказал?

Как он должен отреагировать, чтобы это было правильно?

В семнадцать лет Пэй Юймо открыл студию от имени друга, в девятнадцать основал компанию, в двадцать один поглотил Дом Пэй. Его путь к созданию нынешней корпорации-гиганта был отмечен решительностью и жестокостью, о которых в кругах Цзинду ходили легенды.

Но сейчас он впервые не знал, что делать.

Звезды отражались в морской воде, словно на картине в теплых тонах.

В полосе прибоя двое стояли друг за другом в объятиях.

Пэй Юймо по-прежнему не привык к физическому контакту, но привычная тошнота не подкатила к горлу.

Он дернул кадыком, собираясь что-то сказать, чтобы прервать эту странную тишину, как вдруг услышал неподалеку тихий звук.

Какая-то девушка удивленно воскликнула:

— Как романтично!

Пэй Юймо внезапно почувствовал боль в плече: Цзян Цань, прижавшись к его спине, наклонился и ткнулся головой в его шею, пробормотав:

— Я же сказал, что люблю тебя...

— Что? — переспросил Пэй Юймо.

Лицо Цзян Цаня вспыхнуло, он весь горел, в его голосе сквозила вынужденная покорность:

— Я же сказал, что люблю тебя. Мы можем идти?

Какая логика в том, что раз он любит, то можно уходить?

Пэй Юймо замер, а затем вспомнил.

Цзян Цань повредился головой.

Никакой причины, никакой цели — это просто очередной бессмысленный поступок, продиктованный его травмой.

Пэй Юймо до боли прикусил губу.

Ощутив привкус крови, он подумал, что у него самого очень плохая память: он постоянно забывает то, что должен был помнить твердо.

Очередная волна ледяной воды накрыла их ноги, и Пэй Юймо, услышав возглас, вдруг почувствовал, как его, словно ребенка, подхватили на руки.

Цзян Цань шагал широко, его обувь с громким всплеском рассекала воду.

Соленый привкус в воздухе постепенно сменился тонким цветочным ароматом — робким, весенним.

Оказавшись на твердой земле, Пэй Юймо стоял с лицом, холодным как лед, а в его глазах, обычно лишенных эмоций, теплился слабый гнев.

Он с силой разжал пальцы Цзян Цаня и, словно стремясь увеличить дистанцию, отступил на несколько шагов.

Цзян Цань сказал, что любит его, только потому, что у него поврежден мозг.

Пэй Юймо считал, что не питает никаких иллюзий насчет любви Цзян Цаня, но осознание этого факта всё равно испортило ему настроение.

Цзян Цань вечно так делает.

Постоянно нарушает границы, лезет без спроса.

Пэй Юймо напряг плечи, но чужое тепло, оставшееся на теле, никак не уходило, просачиваясь сквозь одежду и обжигая кожу.

— Юймо? — недоумевал Цзян Цань.

Мужская душа — потемки, только что всё было хорошо, почему он вдруг взъерошился?

Пэй Юймо холодно посмотрел в сторону Цзян Цаня, в его голосе звучало небывалое отторжение:

— Не трогай меня.

Они уже вернулись с берега в сад. Здесь было мало фонарей, лишь тусклый светильник в форме почтового ящика.

В лунном свете Цзян Цань остановился: поведение Пэй Юймо показалось ему знакомым.

Когда он тайком подкармливал бездомных котят, один из них, с такой же мягкой головкой, вел себя точно так же: сердито, с распушенным хвостом.

...Но как бы он ни был похож, это не настоящий котенок, и трогать его он больше не собирается.

Цзян Цань скривил губы:

— Ладно-ладно, не трогаю.

Сказав это, он развернулся и отошел на несколько шагов.

Пэй Юймо стоял на месте, его дыхание постепенно выравнивалось.

Он всегда был хладнокровен, но рядом с Цзян Цанем это спокойствие становилось подобно промокшей бумаге — рвалось от малейшего прикосновения.

Пэй Юймо ненавидел это чувство потери контроля, и та особая роль, которую Цзян Цань играл в его жизни, казалась ему опасной.

Он разжал кулаки, но его уверенная походка внезапно прервалась.

Он не заметил, когда потерял свою трость.

Пэй Юймо осторожно сделал два шага вперед. В его голове была четкая карта: где клумба, где фонтан, где дорожка.

Но он не знал, куда именно его привели.

И не знал, как вернуться обратно.

Пэй Юймо застыл, его рука, протянутая вперед, беспомощно зависла в воздухе.

Цзян Цань, не видя, что Пэй Юймо идет следом, обернулся и увидел эту сцену.

На лице Пэй Юймо, которое своей красотой затмевало всё вокруг, впервые читались растерянность и смутнение. Его губы были плотно сжаты, а бледные пальцы неловко тянулись к нему.

...Котенок, который не может найти дорогу домой.

Цзян Цань подумал, что Пэй Юймо нужно звать не Пэй Юймо, а Пэй Каприз.

Надо же, сам накричал, прогнал человека, а теперь обижается и требует держать его за руку, чтобы пойти дальше.

Пэй Юймо услышал приближающиеся шаги, почувствовал, как его взяли за запястье, и, опустив взгляд на смутный силуэт в черном тумане, помедлил, но не стал вырываться.

Сквозь одежду это было вполне терпимо.

Цзян Цань, заметив взгляд Пэй Юймо, со вздохом произнес:

— Эх, мужчины такие странные: на словах говорят нет, а на деле — очень даже честны.

Пэй Юймо перехватило дыхание:

— ...Заткнись.

Спустя пятнадцать минут.

Когда Пэй Юймо с каменным лицом появился перед секретарем Шэнем, держась за руку с Цзян Цанем, тот был в шоке.

Пэй Юймо уехал в спешке, без средств связи, а в темноте ничего не видел — секретарь Шэнь чуть с ума не сошел от беспокойства.

Но канарейка — она и есть канарейка!

Мало того что на все руки мастер, так еще и навигатором работает!

Секретарь Шэнь с восхищением поспешил открыть дверцу машины, глядя на то, как крепко Цзян Цань держит запястье его босса. Если бы мог, он бы схватил Цзян Цаня за руки и, подобно дворецким из сериалов, воскликнул бы: вы первый мужчина, которого наш президент привел домой за руку!

Только доехав до дома Пэй, Цзян Цань наконец отпустил руку Пэй Юймо.

Увидев ворота особняка, он невольно подумал: ну вот, наложница наконец вернулась во дворец.

В гостиной горел яркий свет. Всё оставалось так, как было, когда Цзян Цань уходил: новенькие Пикачу и Дораэмон лежали на диване, выглядя невероятно мягкими.

Снаружи росли капустные грядки, внутри в тишине находились двое.

Пэй Юймо молчал.

Цзян Цань сел на ковер и тоже молча выдохнул.

Он только что пересчитал: все пальцы на ногах Пэй Юймо на месте, ни один не превратился в морскую пену.

Но, глядя на него, он невольно отвел взгляд.

Пэй Юймо подождал некоторое время, пока всё вокруг не вышло из темноты, обретая четкие очертания.

Туман рассеялся, и первым, что он увидел, были золотистые волосы.

Должно быть, он недавно покрасился: цвет был таким чистым, почти сказочным, но не выглядел легкомысленно.

Юноша, которого он не видел много дней, был в костюме и галстук, в его облике стало меньше детской наивности и больше мужской привлекательности.

Погодите, этот красивый юноша сейчас пристально смотрит на его... ноги?

Пэй Юймо проследил за его взглядом и нахмурился:

— На что ты смотришь?

Цзян Цань поднял голову:

— Юймо, я вспомнил кое-что невероятно смешное.

Не дожидаясь ответа, он с улыбкой продолжил:

— У меня был друг, медик, настоящий фанатик своего дела. Одно время он был влюблен в одну девушку, и мы думали, что он останется холостяком навсегда. Но когда он признался ей в любви, мы уже не удивились.

Цзян Цань сделал паузу, его глаза сияли от веселья.

— Его способ признания был очень странным. Он расхвалил девушку с ног до головы, а когда дошел до ее лодыжек, спросил: если они будут вместе и она умрет первой, можно ли ему забрать ее большеберцовую кость? Ха-ха-ха!

Цзян Цань не удержался и рассмеялся:

— А потом она дала ему пощечину, назвала извращенцем и убежала! Ха-ха-ха!

Пэй Юймо:

— ...

Ему это смешным не показалось.

Но друзья Цзян Цаня под стать ему самому.

Отсмеявшись, Цзян Цань добавил:

— Раньше я часто подшучивал над этим, но теперь немного понимаю его.

Он искренне похвалил:

— Твои лодыжки действительно очень красивые, у той девушки точно были не такие.

Цзян Цань снова опустил взгляд и даже прикинул что-то пальцами. Он замечал это раньше, но не разглядывал так внимательно.

Брюки Пэй Юймо намокли и слегка подскочили, обнажая тонкие, четкие линии костей, которые, казалось, можно было обхватить одной рукой.

Присутствие Цзян Цаня было слишком явным.

И его руки тоже.

Пэй Юймо почти физически ощутил тепло его ладони и резко встал:

— Я пойду в душ.

Цзян Цань растерялся:

— А, ну хорошо.

Атмосфера была слишком странной, но Цзян Цань, ничего не подозревая, глупо подумал: идет мыться — пусть идет, чего так спешить?

Пэй Юймо плеснул на лицо ледяной водой.

Холод забрал жар, в зеркале он видел всё того же себя: спокойные, темные глаза, ничего необычного.

Но только что в его сердце снова возникло то странное чувство, которое тут же исчезло, стоило попытаться его осмыслить.

Он замер, опираясь на края раковины, и запоздало подумал: почему он снова привел Цзян Цаня домой?

Расстегнув пуговицы на шее, Пэй Юймо вдруг почувствовал слабость, перед глазами всё поплыло, как на испорченной киноплёнке.

Вокруг замелькали яркие пятна, всё стало размытым и хаотичным.

Знакомая боль пронзила виски, словно по ним били молотом.

Тошнота, головокружение, потеря равновесия.

Пэй Юймо понял, что дело плохо, попытался ухватиться за раковину, но руки и ноги его не слушались.

БАХ —

Что-то упало.

Почувствовав неладное, Цзян Цань встревоженно придвинулся к двери:

— Юймо?

С тех пор как Пэй Юймо вошел в ванную, Цзян Цань сидел рядом на маленьком стульчике.

Сегодняшний случай на море его напугал.

К тому же, Пэй Юймо так быстро убежал, будто за ним кто-то гнался — кто знает, не собрался ли он превратиться в морскую пену и уплыть по трубам в океан?

За дверью пальцы Пэй Юймо неконтролируемо дрожали.

Просто закрой глаза — казалось, кто-то шептал ему в пустоту.

Мир вращался, тьма поглощала его, как тысячи летучих мышей или мотыльков... но внезапный стук в дверь разогнал ее.

Хрупкая стеклянная дверь задрожала от ударов.

— Юймо? Юймо, ты в порядке? Что ты там делаешь? — кричал Цзян Цань.

Пэй Юймо:

— ...

Он с трудом открыл наполовину закрытые глаза, из последних сил дотянулся до полотенца и набросил его на ноги.

<http://bllate.org/book/21476/2197581>